

И в огне есть брод

➤ Говорят, настоящий металлург не тонет и не горит

ПРО НЕПОТОПЛЯЕМОГО и негорящего металлурга это, конечно, преувеличение. Все мы люди и все уязвимы. И профессия здесь, конечно, ни при чем. Другое дело, характеры. В то время как один соберет все силы в кулак – и вперед, другой будет хныкать и стенать.

Герой этого рассказа как раз из первых. Когда я спросила разлищика кислородно-конвертерного цеха Анатолия Дубровского, что главное в профессии металлурга вообще и разлищика в частности, он ответил просто: терпение, которое рождает выносливость.

Широка река

На самом деле речка, неподалеку от которой родился и рос Анатолий Дубровский, не широка вовсе и не бурлива. Курасан называется. И тем не менее все, что связано с детством, с родными местами, ассоциируется у Анатолия Дубровского с чем-то огромным, значительным. Возможно, потому, что Петропавловский – в нынешнем году ему восемьдесят исполняется – был совхозом-миллионером, и всего тут было в достатке: тысяч триста гектаров полевых, тысяч двести – поголовье скота. Как водится, в селе жили все в труде, зато не в нужде. И простор кругом такой, что, кажется, ни конца ему, ни края.

В юности Толя обожал верхом скакать в эту даль светлую. Тогда и сама жизнь представлялась пареньку широкой рекой, доброй, как родной Курасан, и теплой, как родительский дом. В многодетной семье Анатолий был младшим – Анне Константиновне уже за сорок было, когда последний на свет появился. А как тот в школу пошел, отца не стало. И все дети сразу повзрослели. Младший пошел работать с четвертого класса. Вместе с другими пацанами на поливных полях трудился, где помидоры и огурцы выращивали. Понятное дело, этим овощам уход особый нужен. И таскали пацаны на своих неокрепших плечах пятиметровые дюралевые трубы: заезвался – по колено в жиже. Как стал постарше, на заготовку кормов отправили. Анатолий многих своих сверстников по силе превосходил, потому его и «бросали» на ответственный участок – заготовку кормов. Машины разгружали, надо было их очистить, следом за стогометом надлежало все подобрать и в копну заправить. А потом был конный двор. Лошадей в хозяйстве не меньше двух сотен – им руки нужны.

– Я люблю этих животных. Есть в них что-то особенное: и трогательное, и удивительное, – признается Дубровский.

Может, он просто свое внутреннее родство с ними чувствует – терпеливые, трудолюбивые, очень добрые и доверчивые. Анатолий и сам такой. Не случайно на протяжении четырех лет его лучшим другом был конь по кличке Горбач. Вдвоем они многое повидали. И многочисленные табуны соплеменников Горбача по отдаленным лугам искали, и работы по хозяйству не чурались. А однажды даже вместе в речку угодили.

...Было начало весны. На Курасане лед хоть и набух, но еще казался достаточно крепким. Горбач вступил на него смело – ни треска, ни зыбучести под копытами. Вдруг на середине реки ухнули под лед. Наездник своего саврасо-го сразу отпустил, чтобы тот не утонул. И сам начал барахтаться между льдинами. Конь выбрался на берег первым и, весь дрожа, терпеливо ждал хозяина.

Не случайно так много внимания уделено именно жизненному старту нашего героя. Из деревенской чистоты простоты Анатолий Николаевич вынес многое: закалку, порядочность, силу духа. Сельская жизнь научила парня почтению к старшим, особенно к матери, подготовила к трудностям, закалив и физически, и морально. А когда несколько лет назад дотла выгорел отчий дом, Анатолий Николаевич дал себе обещание, что крепкий дом Дубровских вновь появится на его родной земле. И полтора года назад купил надел. Жаль, его мама, Анна

Команда «кавалеров» под руководством Анатолия Дубровского обхаживает одну «красавицу»

Константиновна, перенесшая после того пожара тяжелейший инфаркт, так и не смогла увидеть, какие хоромы ее младший сын снова возводит в своей деревне – на будущее для себя, сыновей и внуков.

Он и любовь свою – городскую девушку Люду – встретил в родном Петропавловском. Вместе они уже два десятка лет. У них двое сыновей – Антон и Владимир. Оба в отца – с мужским твердым характером и упорством. Людмила своими мужчинами гордится.

– Они у меня первые во всем, – поглядывает на ребят тепло, с любовью. – Оба в спорте преуспели: старший – мастер спорта по акробатике, младший – кандидат в мастера. В учебе никаких проблем: одни благодарственные письма из школы приходят. Сейчас Антон в институт поступает, хочет металлургом стать. Вообще-то им

есть на кого равняться. На папу! Не так давно Анатолий медаль Петра Великого «За трудовую доблесть» получил. Вон, красота – какая, – женщина осторожно передает мне семейную ценность. – Специально интересовалась: хорошая медаль! Ее заработать надо, этим и хороша.

Прямо в полымя

Наверное, действительно полымя страшнее самого огня, если мудрый наш народ определил его как худо гораздо большее. Людмила Дубровская в кислородно-конвертерном цехе

была лишь однажды, лет шестнадцать назад, когда ее супруг только начинал работать на разливке. Для себя тогда решила: сама бы ни за что туда не пошла по доброй воле – сплошной огонь, и еще – супруга дома оберегать станет от лишних проблем. И с мальчишками договаривалась: папу не беспокоить, ему и в цехе достается. Анатолий, в свою очередь, категорично запретил жене работать где-либо, резонно рассудив: принесенные ею в семью копейки ничто по сравнению к хорошим воспитанием ребят, покоем и порядком дома. Так и вышло. В квартире порядок, еда всегда на столе, сыновья хорошие и, главное, крепкие не только мышцами, но и характерами. Анатолий говорит, что своей жене тоже медаль бы выдал: «Лучший воспитатель, повар, медик, уборщица, няня, швея». А уж если бы не ее терпение, бог знает, куда бы жизнь семью вывела. Она, улыбается Дубровский, что любимая разлищиками марка стали – спокойная, надежная, годами проверенная.

– А куда деваться? Я же вижу, каким он с работы приходит, – вставляет свое слово спутница жизни.

По виду мужа – усталый или не очень – она даже может определить, как смена прошла, была ли обычная или с ремонтом, сколько и каких плавков дали. И, кстати, не она одна такой прозорливостью отличается. Среди родственников Дубровского есть еще разлищики: Евгений Медведев и Игорь Щербаков – оба из электросталеплавильного цеха, на слабой машине работают. Да и коллеги из

второй бригады третьей МНЛЗ кислородно-конвертерного семьями дружат, поэтому половинки их во многие дела посвящены, делят с мужьями и радости, и неудачи. И между собой, естественно, связь поддерживают. Держит руку на психологическом пульсе бригады и Дубровский. Не любопытства ради, а дела для.

– Вообще очень важно, чтобы парни на работе были душой спокойны, – считает старший разлищик Дубровский. – Нельзя у нас с тяжелым сердцем быть: себя и других подвести можешь. Я так своим и говорю: на работе голова должна быть занята работой. А нервозность может и до беды довести – с горячим металлом имеем дело.

Анатолий Николаевич знает цену этим словам. В 2003 году во время обычной рядовой смены он попал под такой «обстрел» пламени, что до сих пор не может забыть, как сам в считанные секунды стал горящим факелом. Шестидесять процентов ожогов. Три месяца реанимации. И на всю жизнь следы от того полымя. И снаружи, и внутри. Он тогда год не работал. Знакомые и близкие думали: никогда уже на разливку не вернется – выгорел человек до доньшка в той схватке с огнем. А он вернулся. И вновь стал старшим. И по сей день каждую смену разливает со своей бригадой до трех с половиной тысяч тонн стали: спокойной и беспокойной, которая то перелиться силится, то сбегать из-под контроля. Сталь – она строптивая!

Дубровский уверяет, что это даже чем-то напоминает то, как в его колхозе меринов учили-усмиряли. Тот же самый его любимец Горбач дал в свое время «воспитателям» жару. Его почему Горбачем-то прозвали? Никак не давался. Всех загонял. Но потом так устал сопротивляться, так умаялся бедолага, что весь скукожился, в кучку собрался и стал похож на горбатого – нет, не верблюжонка, человека.

– На работе я всегда через усталость иду, – говорит Дубровский.

И я понимаю, о чем он. Это даже не сила природная, не терпение приобретенное, не выносливость воспитанная. Это характер: идти через «не могу». Почему за время, пока Анатолий Николаевич на разливке в ККЦ трудится, состав бригады сменился неоднократно? Потому что не у каждого есть силы выстоять. И не всякому дано понять степень своей ответственности: разлищики – каста особая. По сути, весь цех на них работает. И они на себе ощущают все бремя ответственности: конечный результат огромного коллектива в их руках.

– А можно к празднику своих ребят поздравить? Им приятно будет, – осторожно спрашивается Анатолий Николаевич.

И старший разлищик начинает старательно, чтобы никого не пропустить, перечислять имена коллег: Иван Кузнецов, Владислав Дорохин, Александр Дегтярев, Владимир Ширякалов, Эдуард Лангольд, Дмитрий Фурманов – шестеро. Сам Дубровский – седьмой. Этой командой «кавалеров» они и обжигивают одну на всех «красавицу» – машину непрерывного литья заготовок. Терпят ее взбрыки и капризы, наводят маршеты, немного ее «горячности» побаиваются.

– О безопасности всегда помнить приходится, – рассказывает Дубровский. – А мне думать приходится не только за себя, уже опаленного, но за всех: и за машину, и за людей. Я за них в ответе. Раскаленный металл – дело серьезное. Но эту стихию не только бояться, но и уважать нужно. Вот говорят: «В огне брода нет». Но я же вышел! Значит, есть брод? ☺

ТАТЬЯНА ТРУШНИКОВА
ФОТО > АНДРЕЙ СЕРЕБРЯКОВ

Когда верстался номер

В канун празднования Дня металлурга из Министерства промышленности и торговли Российской Федерации пришел приказ о присвоении разлищику стали кислородно-конвертерного цеха Магнитки Дубровскому Анатолию Николаевичу звания «Почетный металлург». Поздравляем! Звание по заслугам.

➤ Он гордится своей медалью Петра Великого «За трудовую доблесть»